

Н.И. Соловьев

Искусство и жизнь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.И. Соловьев**
Искусство и жизнь / Н.И. Соловьев – М.: Книга по Требованию, 2021. –
336 с.

ISBN 978-5-518-10880-6

ISBN 978-5-518-10880-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Литературный разлад:

Стр.

Литературные лагеря вместо литературных партий. — Идеализм в борьбе с материализмом; сенсуализм в роли романтизма. — Упадок писательской роли. — Безгласные и безымянные писатели. — Литературный бюрократизм. — Перевѣсъ плагиатной, механической дѣятельности в литературѣ надъ творческою.	298
---	-----

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

М. Г. Приобрѣтая для изданія собраніе моихъ статей, вы конечно сдѣлали этимъ столько же мнѣ честь, сколько и оказали уваженіе тѣмъ идеямъ, которыми я служу. Съ моей стороны есть поэтому своего рода нравственное обязательство обратиться къ вамъ печатно, какъ къ посреднику между мною и моими читателями. Тѣ слишкомъ коммерческія отношенія, которыя установились между писателями и издателями, конечно не могутъ считаться нормой. Издательство и редакторство имѣютъ между собою нѣкоторыя соотношенія, хоть и нельзя не сознаться, что издательство стояло у насъ до сихъ поръ неизмѣримо ниже. Редакторство, въ какомъ бы совершенномъ видѣ оно ни являлось, есть всегда болѣе или менѣ замѣтное преобладаніе одного ума надъ другими; издательство же — открытый путь для дѣятельности самостоятельной, индивидуальной. Редактура по духу современнаго состоянія литературы

обязана давать направленіе, — такъ какъ она есть дѣятельность коллективная; издательство же обнаруживаетъ талантъ или какую другую производительную силу. Не рѣшено еще коллективная ли дѣятельность редактуры или одиночная — издательствъ болѣе плодотворны; но вѣрно что издатели, особенно еще наши, не оцѣнили своего значенія въ общемъ движеніи литературы; а потому рядомъ съ издателями коммерсаантами являются и издатели меценаты, что тоже крайность. Не причисляя васъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, я тѣмъ не менѣе не могу не считать васъ человѣкомъ идеи, а потому и не передать во всей подробности того, что я сдѣлалъ, приготовляя къ изданію печатаемыя сочиненія.

Сочиненія эти, какъ вамъ извѣстно, появлялись въ журналахъ и газетахъ болѣею частью подъ вліяніемъ разныхъ набѣгавшихъ вопросовъ. Зарождалось такимъ образомъ нѣсколько критическихъ темъ, которыя двигались и развивались такъ сказать параллельно; мнѣ по этому не разъ приходилось возвращаться къ одному и тому же предмету. Теперь, желая придать болѣе объединенія своимъ статьямъ, я передернулъ или перемѣстилъ въ нихъ нѣкоторыя страницы, чѣмъ и подвелъ еще болѣе все, высказанное мною въ печати, подъ вопросы, означенныя въ заглавіяхъ. При исполненіи этой работы кое что разумѣется отлетѣло прочь; но я былъ всегда такого мнѣнія, что сокращеніе никогда не вредитъ сочиненію. И къ тому же, что терпитъ газета, того иногда не терпитъ журналъ; что терпитъ журналъ того не должна терпѣть книга.

Отбрасыванію я преимущественно подвергалъ то, что могло быть названо злобою дня или полемикой, имѣющею минутный интересъ. Разумѣется сочиненія мои черезъ это не приобрѣли голубиной кротости; потому что они все таки сочиненія критическія. Но если при этой обработкѣ мнѣ пришлось отказаться отъ нѣкоторыхъ страницъ, то могу сказать съ увѣренностію, что не отступилъ ни отъ одной своей мысли. Статьи выиграли, быть можетъ, въ формѣ; но не измѣнились въ своемъ содержаніи,

Вы спросите почему я придалъ своей книгѣ заглавіе—«Искусство и Жизнь». Предметъ всѣхъ моихъ статей дѣйствительно есть ни что другое, какъ искусство и жизнь, рассматриваемая съ точки зрѣнія искусства. Искусство по моему глубокому убѣжденію есть величайшее и могущественнѣйшее орудіе прогресса, но орудіе которымъ люди еще недостаточно воспользовались; и это отъ того главнѣйшимъ образомъ, что мало еще была признана мысль, что между идеями морали и идеями красоты, между этикой и эстетикой нѣтъ существенной разницы. Чувство нравственное, какъ стараемся мы доказать въ своихъ статьяхъ, есть тоже, что чувство эстетическое, примененное только къ дѣйствительной жизни. Тождественность нравственнаго и эстетическаго началъ несомнѣнна и этотъ взглядъ на явленія нравственнаго міра тѣмъ болѣе оказывается плодотворнымъ, что при такомъ взглядѣ критика получаетъ несравненно болѣе широкое и самостоятельное значеніе и не можетъ быть уже смѣшиваема съ публицистикой. Сфера дѣятельно-

сти публициста и критика дѣйствительно различны. Публицистъ смотритъ на все съ точки зрѣнія болѣе широкой: говорить о жизни, начиная съ области народа или государства; критикъ же начинаетъ рѣчь съ характеровъ, съ происшествій семейныхъ и другихъ связей, изъ которыхъ зачинается ткань общественной жизни. Обѣ дѣятельности эти могутъ сливаться; но никогда не должны сливаться въ одно, — иначе критика переходитъ въ крикъ. Стремленіе придать широкой политической смыслъ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ и упускать изъ виду ихъ смыслъ жизненный, житейскій, именно и произвело данаидову работу рѣшенія политическихъ вопросовъ путемъ литературной критики и беллетристики; такъ что въ интересахъ даже публицистики необходимо, чтобы критика у насъ болѣе объективировалась и возвысилась въ значеніи. Слово публицистъ происходитъ отъ латинскаго *ius publicum*, что означаетъ право публичное, государственное. Принципъ этотъ и служить основой настоящей публицистики, какъ мораль, основанная на чувствѣ красоты, фундаментъ эстетики или литературной критики. Чтобы фундаментъ этотъ былъ однако же тверже, я не ограничился въ своихъ статьяхъ тѣмъ, что коснулся мнѣній разныхъ авторитетныхъ людей, судившихъ и рѣдившихъ объ искусствѣ, но еще разсмотрѣлъ и естественно-историческія основы его. Утвердившись такимъ образомъ на этой почвѣ, я уже счелъ возможнымъ взглянуть съ своей точки зрѣнія изящнаго и на явленія современной жизни, мотивируя свои взгляды разборами современныхъ литературныхъ произведеній. Къ этому считаю нуж-

нымъ прибавить, что въ своихъ разборахъ я старался не столько исчерпать литературныя явленія, сколько объять ихъ въ совокупности. Очерковъ и обзоровъ современнаго состоянія литературы обыкновенно у насъ не пишутъ; а потому я также имѣлъ смѣлость этимъ сближеніемъ главныхъ литературныхъ дѣятелей и явленій, хоть сколько нибудь, восполнить этотъ недостатокъ. Съ этою то цѣлью мною и производилось объединеніе статей и приготовлены для этого изданія еще три новыя статьи, о трехъ литературныхъ явленіяхъ, частью пропущенныхъ, частью недостаточно оцѣненныхъ нашей критикой—именно о романѣ г. Гончарова—«Обрывъ», о романѣ графа Л. Н. Толстаго—«Война и Миръ» и о сочиненіяхъ Г. П. Данилевскаго.

Примите увѣреніе и проч.

Николай Соловьевъ.

Москва.

25 сентября 1869.

ТЕОРІЯ БЕЗОБРАЗІЯ.

Томственность нравственного и эстетическаго начала. — Природа столь же разумна, какъ и хороша. — Походъ критиковъ противъ талантности. —

Помяловскій.

Въ отношеніяхъ нашихъ къ искуству происходитъ какая-то перемѣна. Въмѣсто прежняго розоваго взгляда на поэзію и художниковъ теперь смотрять на нихъ сухо и недоувѣрчиво. На рельефность, типичность изображенія, энергію, энтузіазмъ слова мало обращаютъ вниманія. Безпощадная критика, строгій анализъ и осмысленіе фактовъ — вотъ что болѣе всего нужно для современнаго человѣка; стремленіе къ истинѣ, ненависть къ злу такъ въ немъ сильна, что ему какъ-бы некогда кланяться красотѣ.

Отнюдь не думая чтобы подобный радикализмъ литературы остался безъ пользы, мы все таки увѣрены, что онъ есть явленіе проходящее. Объясняется онъ очень просто. Толкаясь въ тѣснотѣ туда и сюда, человѣкъ невольно теряетъ спокойствіе и настраивается на исключительно отрицательный тонъ. Чѣмъ больше препятствій, тѣмъ неизбежнѣе отрицатели и тѣмъ естественнѣе ихъ увлеченіе. Вслѣдствіе привычки или пожалуй не-

обходимости отрицанія они доходятъ наконецъ до того, что нападаютъ и на самыя естественныя явленія жизни, считая ихъ какъ-бы помѣхой. Мы не осуждаемъ ихъ дѣятельности, мы не говоримъ, что во всемъ съ нею не согласны, а утверждаемъ, что половина этой дѣятельности пропадаетъ даромъ, направляется противъ того, что никакія прогрессисты въ Европѣ не отвергаютъ. Уничтожать предрассудки, уменьшать легковѣріе, бороться съ насиліемъ, лицемѣріемъ и невѣжествомъ — дѣло разумное; но возставать противъ поэзіи и искусства, отринуть все изящное, граціозное и свѣтлое въ жизни — это абсурдъ и непониманіе природы. Природа столько же разумна, сколько и хороша. Красота и истина — два идола, которымъ люди будутъ вѣчно поклоняться. Отрицатели искусства думаютъ не такъ. Замѣтивши, что исключительная дѣятельность воображенія и односторонняя жизнь сердца деморализируетъ человѣка, они утверждаютъ, что воображеніемъ и сердцемъ совсѣмъ не нужно жить, что фантазія есть сонъ, а сердце глупость, поэтъ же нѣчто въ родѣ шута горохового. Чтобы обвиненія наши не были голословны, мы приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ критическихъ статей Писарева, котораго въ этомъ отношеніи всегда можно считать самымъ даровитымъ представителемъ подобныхъ ученій. «Плохо, говоритъ онъ, приходится въ наше время поэтамъ — наступить со временемъ драматическая минута, когда послѣдній поэтъ бросится на шею послѣдному эстетикау и рыдая скажетъ: — другъ мы съ тобой один.. спрячемся и притворимся натуралистами—... Окончательный шагъ еще не сдѣланъ, искусство для нѣкоторыхъ читателей, а особенно для читательницъ все еще сохраняетъ кой какіе блѣдныя лучи ложнаго ореола... Эстетикамъ и въ голову не приходитъ, что трагическое происшествіе почти всегда бываетъ также глупо какъ и комическое и что глупость можетъ составлять единственную пружину разнообразнѣйшихъ драматическихъ коллизій.